

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 11.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Москва въ 1812 году. Сочиненіе *А. Н. Попова*, по новооткрытымъ бумагамъ. Глѣна VII-я. (Свиданіе графа Ростопчина съ княземъ Кутузовымъ.—Рѣшеніе оставить Москву безъ боя.—Первое Сентября.—Ермоловъ о Кутузовѣ.—Совѣтъ въ Филяхъ.—Вывозъ сокровищъ.—Капунъ гибелн.—Второе Сентября.—Последніе часы графа Ростопчина въ Москвѣ.—Встрѣча на Музскомъ мосту). Стр. 257.
2. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1812 году (Переписка *Н. П. Батюшина-Каленскаго* и его донесеніе, съ предисловіемъ барона *Ф. А. Булера*). Стр. 289.
3. Очерки Малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII и XVIII вѣкахъ, собираемые *А. М. Лазаревскимъ* (Иваненки, Искры). Стр. 297.
4. Челобитная Черниговскаго архіепископа *Лазаря Барановича* царю Алексѣю Михайловичу, о напечатаніи сочиненія его «Трубы». (Сообщена *А. Н. Майковымъ*). Стр. 308.
5. Къ исторіи сношеній Россіи съ Черногорією при Петрѣ Великомъ. (Сообщено *И. И. Савватовымъ*). Стр. 310.
6. Диспутъ въ Московскомъ университетѣ въ 1769 году. (Сообщено *С. М. Соловьевымъ*). Стр. 312.
7. Приказъ графа Аракчеева въ 1808 году. (Сообщено *Г. Н. Александровымъ*). Стр. 314.
8. Письмо митрополита *Евгенія* къ епископу Паревнію. (Сообщено *А. Н. Майковымъ*). Стр. 315.
9. Изъ бумагъ *В. А. Жуковскаго*:
 - I. Заявка *Гизо* къ Жуковскому, 317.
 - II. Письмо *Жуковскаго* къ г-жѣ Морю де ла Мольтеръ, 318.
 - III. Выдержка изъ письма *Жуковскаго* къ *А. А. Воейковой*, 320.
 - IV. Письма графини *Генриетты Разумовской*, 321.
 - V. Письма *А. П. Турненева* о кончинѣ графини Разумовской, 339.
 - VI. Письма графа *Д. Н. Блудова*, 341.
 - VII. Письма *К. Н. Батюшкова*, 343.
 - VIII. Письмо *И. А. Петина*, 362.
 - IX. Письмо *В. А. Озерова*, 363.
 - X. Письмо *Ю. А. Пелединскаго*, 364.
 - XI. Письмо графа *Д. Н. Хаостова*, 364.
 - XII. Письма *Н. Н. Гиппица*, 364.
 - XIII. Письмо живописца *А. А. Иванова*, 365.
 - XIV. Письмо князя *Паскевича*, 368.
 - XV. Письмо *И. Н. Ростовцова*, 369.
 - XVI. Письма *С. П. Шевырева*, 370.
10. Студенческія воспоминанія *Ф. Л. Лаликова*. 1818—1822. Стр. 377.
11. По поводу статьи г-на Брикнера о доникѣ Храповицкаго. Записки *Н. П. Барсукова*. Стр. 388.
12. Письмо Кольцова къ Бѣлинскому (Сообщено *А. З. Зиновьевымъ*). Стр. 396.
13. Жалоба крестьянъ Тябовскаго намѣстничества Екаторіи Второй (Сообщено *И. С. Аксаковымъ*). Стр. 397.
14. О подпискѣ на Русскій Архивъ 1876 года.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЧЕСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾

1818—1822.

(Посвящается М. П. Погодину).

„Сей храмъ воздвигнуть мною
 „Въ красу тебѣ—Москва;
 „Испытана судьбою
 „Градовъ моихъ глава.
 „На немъ моя десная
 „И око почиетъ
 „И вся его благая
 „Души моей предметъ“.

(У Мерзлякова, слова Александра I-го къ Москвѣ).

Исчерпавъ всю Рязанскую мудрость, простѣе сказать окончивъ ученіе и въ приходскомъ, и въ уѣздномъ училищахъ, и въ гимназій—я готовъ былъ къ давно желанной цѣли—университету, на 18-мъ году отъ рожденія ²⁾. На послѣднемъ гимназическомъ актѣ я произнесъ къ публикѣ благодарственную рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ и получилъ двѣ награды: рисунокъ и Святое Евангеліе. Въ аттестатѣ моемъ были означены успѣхи по всѣмъ предметамъ очень хорошіе, поведеніе названо отличномъ.

Въ жаркіе іюльскіе дни 1818 года родители мои сами (да благодарится слезою благодарности священная память ихъ) повезли меня въ Москву, единственно изъ нѣжной ко мнѣ привязанности: случаевъ, съ кѣмъ бы сѣхъ, было довольно. Остановились мы въ Зарядьи. На другой же день батюшка въ парадномъ (красномъ) Екатерининскомъ мундирѣ повелъ меня въ университетъ, который временно помѣщался въ д. Яковлева (теперь купца Монахова), въ Долгоруковскомъ переулкѣ. Сердце сильно билось у меня, когда мы поднимались по небольшой лѣстницѣ. Батюшка просилъ написать прошеніе. Это выполнилъ Кондратьевъ, позднѣе секретарь правленія, котораго безъ сомнѣнія вы хорошо помните. Батюшка далъ ему полтинникъ. Онъ сказалъ намъ, чтобы мы подождали ректора. Черезъ какихъ нибудь пять-десять минутъ быстро входитъ этотъ незабвенный *vir divinus*, Иванъ Андреевичъ Геймъ. Благоклонно принявъ изъ рукъ батюшки прошеніе и взглянувъ на аттестатъ, онъ сказалъ: „сына вашего, по испытаніи, примемъ и замѣстимъ, какъ

²⁾ За дозволеніе помѣстить эти Воспоминанія въ Русскомъ Архивѣ мы обязаны многоуважаемому Филипу Ларионовичу Ляликову, бывшему инспектору Рязанской гимназій, позднѣе занимавшему должность инспектора Одесскаго учебнаго округа, многопотрудившемуся въ дѣлѣ преподаванія и дѣтскаго воспитанія. Въ Русской литературѣ Ф. Л. Ляликовъ извѣстенъ книгою: „Галерея Монтионовскихъ премій“. П. Б.

²⁾ Собственно для связи, чтобы подойти къ разсказу о бытѣ университетскомъ, говорю здѣсь нѣсколько словъ о себѣ и вступленіи моемъ въ университетъ.

только будетъ вакантное мѣсто, на казенное содержаніе“ и, какъ бы угадывая батюшкину мысль, что трудно оставить сына въ большомъ городѣ у незнакомыхъ людей, прибавилъ: „вы можете возвратиться къ вашей должности (батюшка былъ въ то время смотрителемъ Рязанскихъ богоугодныхъ заведеній), а я прикажу его, до опредѣленія на казенное содержаніе, помѣстить здѣсь же“. Сердце мое билось уже отъ радости. О, какъ твердо напечатлѣлся этотъ незабвенный моментъ въ памяти моей! Все помнится: и благородный видъ голубо-ученаго старца, и его длинный синій сертукъ.

Родители мои пробыли на радостяхъ въ Москвѣ два дня, посѣщая со мною Кремлевскую святыню; а я съ батюшкою даже лазилъ на Ивановскую колокольню, при чемъ былъ особый казусъ: я нашель на лѣстницѣ, въ верху самомъ, голубиное яйцо. Матушка говорила потомъ, что это хорошее предзнаменованіе.

Ужъ не знаю почему, по слуху ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ или такъ изъ уваженія (чистаго, безъ побужденій: дѣйствительно то былъ вѣкъ уваженія), родители рѣшились сдѣлать визитъ со мною Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву. Припомните, то было время сюрпризовъ и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами. Пошли сначала къ Н. Н. Сандунову. Онъ принялъ насъ оригинально и по своему ласково. Матушка поднесла полдюжины полотенецъ. Благодарилъ. Понравился ли ему оригинальный костюмъ батюшки, или эти полотенцы, только Сандуновъ разъ пять писалъ обо мнѣ въ Рязань къ батюшкѣ, а когда онъ (батюшка) скончался и я уже былъ на службѣ въ Ревелѣ (куда сопровождала меня матушка) онъ нѣсколько писемъ писалъ ко мнѣ и въ одномъ письмѣ, въ концѣ, прибавляетъ: *а васъ, матушка Матрена Алексѣевна, я каждый день вспоминаю; вашими полотенцами утрома глаза себя протираю*. Въ Ревелѣ случайно у одного старообрядца (тамъ было ихъ довольно, и богатыхъ) я увидалъ бородовой Петровскій знакъ (не тотъ, какой мнѣ прежде попадался и даже теперь у меня есть: съ четвертакъ, посеребрѣнный, круглый, съ скважинкою для шнура, съ изображеніемъ усовъ и надписью: деньги взяты и годъ) четырехугольной формы, мѣдный, величиною съ старый пятакъ и съ надписью, на одной сторонѣ: *борода лишняя тягота* (Славянскими буквами), и на другой: *деньги взяты* и годъ (помнится 1706 или 1707). Подобнаго экземпляра мнѣ еще видѣть не случалось ни прежде, ни послѣ. Зная охоту Сандунова до такихъ рѣдкостей, я ему этотъ знакъ переслалъ. Еще случилось мнѣ переслать ему же сказку объ ершѣ, писанную древнимъ почеркомъ на столбцѣ. Небольшія статейки объ этихъ рѣдкостяхъ помѣщены мною, позже, въ Телескопѣ, а бородовой знакъ даже съ рисункомъ. У него было ушко или колечко, безъ сомнѣнія для шнура.

Другая полдюжина полотенецъ вручена была супругѣ М. М. Снегирева, которая насъ очень обласкала, какъ и онъ самъ. Домикъ ихъ былъ на Самотѣжѣ, почти возлѣ митрополичья подворья.

Съ помѣщеніемъ моимъ въ домѣ Яковлева родители мои успокоились и, простившись со мной, приняли обратный путь. Въ довольно-просторной комнатѣ насъ было только четверо. Надзоръ за нами имѣлъ (тутъ же помѣщавшійся) Петръ Иларіоновичъ Страховъ, послѣ, кажется, докторъ медицины. Недолго мы пожили тутъ: въ концѣ Сентября объявленъ былъ походъ въ отдѣленный главный корпусъ. Сначала помѣстили меня въ номеръ окнами на дворъ, гдѣ только еще начинали разсаживать деревья, что нынѣ уже прекрасный садъ. *Theatrum anatomicum* отдѣлялся, и мы, бывало, смотримъ изъ окна, какъ знаменитый Лодеръ (пріѣзжавшій четверкою въ каретѣ, со звѣздой на груди) лазилъ по лѣстницѣ, чтобъ осмотрѣть поближе и исправить Латинскую на фронтонѣ надпись. Изъ любопытства мы нѣсколько разъ ходили на его лекціи. Помню надпись внутри по полукругу залы или аудиторіи: „*Руцѣ Твои сотвориште мя и создасте мя, научи мя заповѣдемъ Твоимъ*“. А надъ каминномъ, за кафедрой, тоже надпись: *Искупуите время, яко днѣ лукави суть*“. При входѣ же, въ сѣняхъ, погречески: „*познай самого себя*“. Въ больничномъ корпусѣ, гдѣ жили медицинскіе студенты (противъ нынѣшняго новаго университета и Никитскаго монастыря), по особому религіозному настроенію инспектора Матвѣя Яковлевича Мудрова, во всѣхъ коридорахъ на стѣнахъ были выгнаны изъ алебаstra кресты. Вотъ еще два случая своеобразной набожности Мудрова. Разъ мнѣ захотѣлось сходить ко всеобщей къ Николаю Явленному, лѣтомъ. При тишинѣ въ храмѣ, отворенныхъ дверяхъ и окнахъ, слышенъ былъ подъѣздъ экипажа. Входитъ Матвѣй Яковлевичъ, у свѣчнаго ящика покупаетъ большую свѣчу (такъ въ рубль или и болѣе) и самъ, протискиваясь между народомъ, ставитъ эту свѣчу предъ иконою въ главномъ иконостасѣ, дѣлаетъ два-три поклона въ землю и уѣзжаетъ. Другой случай. Я сдѣлался нездоровъ, впрочемъ легкою простудою, но К. М. Романовскій (субинспекторъ) всё-таки совѣтовалъ мнѣ сходить къ Мудрову. Прихожу. Жилъ онъ въ своемъ домѣ за Пречистенскимъ бульваромъ, около Старо-Іерусалимскаго подворья (теперь ужъ этого мѣста я не узнаю). Прописалъ питье. Но что меня особенно поразило, это—въ пріемной (гдѣ я нѣсколько минутъ, пока онъ вышелъ, дожидался) на стѣнѣ вывѣшенная таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было напечатано или написано кинварью) и за-тѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой. Что бы сказали на это современные медики? Духовенство наше конечно противъ этого протестовать бы не стало.

Чтобъ покончить съ религіозностію Мудрова (вѣдь внутреннюю жизнь казенныхъ студентовъ сполна вы не могли знать), упомяну еще объ одномъ обстоятельстве. Мы обыкновенно говѣли на первой недѣлѣ великаго поста. Всенощную слушали въ большой столовой, во всегдашнемъ присутствіи Сандунова и обоихъ субъ-инспекторовъ. Хоръ былъ изъ своихъ; особенно этимъ распоряжался П. Ив. Знаменскій и В. Ег. Ивановъ, съ хорошими голосами. Они же часто

пѣвали въ церкви Коммерческаго Училища по приглашенію Т. Ал. Каменецкаго. Приобщались мы Св. Тайнъ въ Георгіевской церкви на Моховой. Представьте же себѣ (меня и теперь это удивляетъ): во всё время, довольно продолжительное, причащенія студентовъ (насъ было человѣкъ 40, да медицинскихъ втрое больше) пелену предъ подходящими къ потиру держали Сандуновъ и Мудровъ, какъ инспекторы. Мудровъ (такъ какъ онъ жилъ въ своемъ домѣ) пріѣхалъ нѣсколько позже и, когда снялъ съ себя шинель, мы увидали его въ мундирѣ. Это хорошо помнится. Вообще намъ часто повторяли — ходить къ службѣ въ свою приходскую (Георгія на Красной горкѣ) церковь; но всё постоянно ходили въ сосѣдній Никитскій монастырь или кучками куда нибудь вдаль, на примѣръ въ Донской, Новодѣвичій и проч. Кстати о дѣвичьихъ монастыряхъ: теперь видимый и тутъ прогрессъ. На примѣръ въ сосѣднемъ Зачатіевскомъ монастырѣ видны уже три сторожа, которые караулятъ обитель; они же благовѣстятъ и звонятъ, а въ наше время въ Никитскомъ монастырѣ (колокольня была низенькая) мы всегда видѣли монашенокъ, сбѣгавшихъ съ лѣстницы послѣ звона или благовѣста, что конечно онѣ сами и исполняли. Сохранилось также въ памяти, что охотники изъ насъ хаживали по Воскресеньямъ къ обѣднѣ въ церковь *Богоявленія въ Елоховъ* слушать проповѣдника, славившагося даромъ слова, и еще въ Андроньевъ монастырь (тамъ тоже хорошо говорилъ архимандритъ). Но именъ ни перваго, ни втораго не помню. Около церкви Богоявленія въ Елоховъ бывала туча экипажей: съѣзжался кругъ высшій и богатый.

Теперь уже буду говорить собственно объ университетѣ и профессорахъ.

„Хвала тебѣ Елисавета,
 „Въ царицахъ мудрая жена:
 „Твоей рукою лампада свѣта
 „Въ столицѣ древней возжена!“

Только я долженъ оговориться: мнѣ ближе были профессора отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, по которому я и окончилъ курсъ, и аттестатъ получилъ за подписью ректора Антонскаго и декановъ Цвѣтаева, Мерзлякова, Мухина и Двигубскаго. По словесному же отдѣленію я слушалъ: Мерзлякова, Тимговскаго и проч., даже Ал. Вас. Болдырева (Еврейскія древности и Арабскій языкъ), также физику у Двигубскаго.

Сандуновъ. Оригинальный характеръ его вамъ извѣстенъ. Памятна его гороховая съ большимъ воротникомъ шуба, въ которой онъ зимою, сопровождаемый Болтинымъ, Юдинымъ и еще полдюжиною студентовъ, медленно двигался чрезъ подземелье къ круглой аудиторіи. Мы встрѣчали его съ трепетомъ, а мнѣ доставалось больше всѣхъ: мнѣ поручена была имъ прилегавшая къ круглой аудиторіи комнатка, въ которой хранились всё бумаги, относившіяся къ практическому судопроизводству, какъ то протоколы лекцій, сенатскія записки по рѣшеннымъ дѣламъ, которыя мы перерѣшали, ящикъ

съ билетиками для выборовъ на разныя должности (разумѣется титулярныя), списки студентовъ съ отмѣткою бывшихъ и небывшихъ на лекціяхъ, книги законовъ и тотъ знаменитый налой, который я заблаговременно ставилъ передъ кафедрой и къ которому не безъ страха подходили читать свои мнѣнія по дѣламъ кандидаты и студенты. Тутъ была и немалая потѣха. Пословицы сыпались одна за другой. „Что это, батенька? перёдъ объяринный, а задъ крашеинный“; или: „борода выросла (у кого были замѣтны усики), а ума не вынесла“; или: „да дыши же, точно замшинное горло“; или: „гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало“, и проч. и проч.; или „толкуй Фоку да Якова, а всё одинаково“. Но никогда не было замѣчено какого нибудь видимаго неудовольствія со стороны тѣхъ, къ кому обращались эти правоучительныя сентенціи: такъ было патриархально; и мы, за эту остроту и удивительную въ его лѣтѣ живость, любили его, а одобреніе высоко цѣнили и о каждомъ ласковомъ словѣ его цѣлыя недѣли толковали.

Въ характерѣ Н. Н. Сандунова была особенность: онъ боялся грозы и грома. Это случалось замѣтить нѣсколько разъ. Чуть начнется громъ, онъ уже берётъ свою шляпу и, не кончивъ лекціи, уходитъ. Разъ, лѣтомъ, случилось забавное. Сандуновъ, при вѣтрѣ, замѣтилъ раскрытую форточку. Позвали сторожа (помню прозвище, Колобовъ) закрыть. Сторожъ, вооруженный какимъ-то шестомъ (достать такъ не могъ, а лѣсенки вѣрно не было) началъ прилаживаться, чтобъ закрыть, но вмѣсто того хватилъ по стеклу, которое и разсыпалось. Оказалось, что онъ былъ на второмъ взводѣ. Общій хохоть.

Въ родѣ помощника субъ-инспекторамъ, Щедритскому и Романовскому *), былъ урядникъ Карпъ Оедулычъ (фамилія его никому была невѣдома). Онъ вечеромъ, въ 9-ть часовъ съ фонаремъ, и утромъ въ 8-мь ежедневно, какъ нѣкій Діогенъ, обходилъ всѣ студенческія комваты и если кто еще не вставалъ или вечеромъ уже спалъ, приподнималъ съ головы одѣяло. Бывали шалости: вмѣсто отсутствующихъ дѣлали изъ шинели подобіе фигуры челоуѣка и покрывали одѣяломъ. Послѣ каждаго такого осмотра онъ доносилъ лично Сандунову. Кого не было, тѣ требовались къ инспектору для объясненій.

Тотъ же урядникъ, на недѣлѣ разъ, а иногда два, приходилъ за мною съ позывомъ къ инспектору. Иногда я читалъ ему; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ требовалъ мнѣнія; иногда диктовалъ мнѣ разныя дѣловыя бумаги. Было извѣстно, что онъ принималъ ходатайство по частнымъ дѣламъ. Однажды, пришедши къ нему по призыву, нашелъ я его въ библіотекѣ, въ которой старшая его дочь Софья Николаевна разбирала книги. Встрѣтивъ меня, онъ сказалъ: „вотъ пособи ей привести мои книги въ порядокъ“. Мы занимались этимъ разборомъ съ недѣлю. Въ одинъ день, послѣ этой

*) Щедритскій былъ магистръ, а о Романовскомъ шла между студентами молва, что написанную имъ на магистра диссертацию съѣли мыши.

переборки, Анна Васильевна (его супруга) сказала мнѣ: „теперь вы ужъ опоздали; останьтесь, пообѣдайте у насъ“. Сѣли за столъ. Кромѣ хозяевъ и двухъ дочерей (Софья была уже невѣста, а вторая еще крошка) подлѣ меня былъ какой-то гость въ родѣ приѣзжаго помѣщика, молодой, можетъ быть женихъ Софьи. Она, какъ послѣ я узналъ, вышла за какого-то Тамбовскаго помѣщика. Вздумалось за столомъ Аниѣ Васильевнѣ, указывая на бутылку съ краснымъ виномъ, меня поподчивать, но тутъ послышались громовыя слова Н. Н-ча: „Что ты его подчуешь, вѣдь онъ пьетъ запоемъ“. Конечно это шутка, и я тогда, кромѣ меду, ничего пить не могъ; но я просто сгорѣлъ отъ стыда, въ присутствіи еще дамъ.

Во всѣ четыре года я одинъ только разъ ѣздилъ на вакацію для свиданія съ матушкою въ Рязань, а прочія оставался въ Москвѣ. Сандуновъ въ эти разы (самъ уѣзжалъ куда-то) оставлялъ мнѣ работу, которой я въ то время понять не могъ, да и теперь не понимаю. Призвавъ къ себѣ, онъ далъ мнѣ четыре тома Дѣяній Петра Великаго Голикова, и четыре же тома Дополненій къ этимъ Дѣяніямъ того же автора и сказалъ, чтобы болѣе важныя статьи (а ихъ нашлось довольно) я сократилъ и по возвращеніи его ему доставилъ. Я исполнялъ порученіе съ усердіемъ и переписавъ поднесъ ему. Хотя отчасти понятно, что занятіе полезное и могло развивать и мысль, и слогъ, но думаю главное — усадить дома и отнять возможность рыскать по стогнамъ обширной столицы.

Чтобы покончить съ круглою аудиторіей, надобно сказать, что она была обсерваціоннымъ пунктомъ для зѣвакъ по вечерамъ. Дѣло идетъ о театрѣ. Тамъ, гдѣ теперь алтарь университетской церкви, была театральная гардеробная и когда начинался съѣздъ артистокъ, артистовъ и кордебалета (въ огромныхъ каретахъ, какихъ теперь уже не видать), можно было изъ оконъ (гдѣ теперь утверждены часы) видѣть всю эту разукрашенную суматоху: окна или вовсе не занавѣшивались, или занавѣшивались плохо. Въ бенефисы, какой-то невѣдомый театральнй посланецъ раздавалъ намъ нѣсколько даровыхъ билетовъ, разумѣется въ раѣкъ, съ словами: „хлопайте, господа, больше“. Близость театра подавала возможность, у кого были деньги, посѣщать лучшіе спектакли. Всѣ помнитса: и Эдипъ въ Аѣинахъ (Семенова) и Димитрій Донской, и Поликсена, и Русалка, и Коварство и Любовь (Мочаловъ) etc. Въ антрактахъ мы успѣвали сбѣгать поужинать. Въ номеръ къ намъ обыкновенно подавали два экземпляра Московскихъ Вѣдомостей, которыя мы передавали изъ комнаты въ комнату. Черезъ какой нибудь часъ газеты дѣлались пестрыми: просторъ критическому взгляду на вчерашній спектакль, разнымъ прибауткамъ и шуткамъ; есть гдѣ было разгуляться карандашу. Разумѣется, номеровъ и слѣда не оставалось: они обречены были на уничтоженіе. Да, вспомнилъ: они еще годились, какъ вы думаете на что? Никакъ не угадаете. Нѣкоторые изъ студентовъ попивали. Бывало П. Ив. Знаменскій (былъ лѣтъ подъ 30-ть) и В. Егор. Ивановъ ищутъ, не осталось ли

гдѣ газетъ; а дѣло идетъ къ Сандуновской лекціи, выходъ къ неизбѣжному налою и часто близкій съ нимъ разговоръ, а это не шутка: запахъ измѣнить и доложить о вчерашней пирушкѣ. Вотъ они и жевали эту газетную бумагу, конечно въ томъ убѣжденіи, какъ и сами увѣряли, что этимъ процессомъ онъ уничтожится. Ни прежде, ни послѣ о такомъ средствѣ мнѣ никогда слышать не случилось: Господь умудряетъ слѣпцы. Знаменскій, изъ духовнаго званія, былъ уже съ бородою, которую бывало начнётъ брить и ропщетъ на это, говоря: „зачѣмъ пошёлъ я въ университетъ? Толи дѣло—былъ бы теперь протопопомъ съ окладистой бородой, а теперь на что похожъ! Всѣ хохочуть“. Впрочемъ сердца былъ добраго и нрава тихаго.

Цетмаевъ, Левъ Алексѣевичъ — противоположность Сандунову, тихій, кроткій. Мы всѣ его любили. Лекціи его были вечеромъ и бывало придётъ онъ пѣшкомъ отъ Сухаревой башни, лѣтомъ въ пыли, съ простою вязовою палкой. Сторожá были, но мы сами бросались къ нему помочь раздѣться или провожая пособить надѣть верхнее платье. Теперь бы сказали, что это неприлично; но гдѣ любовь связываетъ учителя съ ученикомъ, тамъ всякая услуга и вниманіе приличны.

Слава Богу на небѣ.... слава,
И нашему добродушному вѣку слава!

Когда было напечатано изданное имъ Римское Гражданское Право, онъ мнѣ сказалъ: „Г. Ляликовъ, я пришлю вамъ 200 экзempl. моей книги; помѣстите ихъ въ той комнаткѣ, которая подлѣ аудиторіи, и продавайте желающимъ студентамъ“. Книги были присланы такъ просто, въ листахъ. Цѣны экземпляру теперь уже не припомню, но кажется четыре двугривенныхъ. Ихъ разобрали скоро. И вотъ я (признаюсь, это довѣріе или порученіе отъ любимой особы было мнѣ лестно), завязавши всѣ эти двугривенные въ платокъ (чтобъ вымѣнить ихъ на ассигнаціи у меня и мысли не было, а я ихъ берегалъ, какъ получалъ), иду съ этою ношею въ домъ Льва Алексѣевича почти рядомъ съ церковью Николы въ Грачахъ или Драчахъ, вхожу по знакомой уже крутой лѣстницѣ (простой, некрашеной) въ мезонинъ, гдѣ былъ его кабинетъ. „Очень благодаренъ вамъ, высыпьте всё это вотъ тутъ“. (Безъ всякой при мнѣ повѣрки). Я откланиваюсь и ухожу. Это повторялось не одинъ разъ, и книги вновь тоже присылаемы были сотнями.

Такъ, просто по добротѣ сердца или во вниманіи къ этой маленькой услугѣ, Левъ Алексѣевичъ доставилъ мнѣ двѣ (какъ въ то время говорили) кондиціи: одну у виннаго пристава Фокина, другую у какого-то иностранца (обучалась дочь), жившаго въ саду графа Тормазова, гдѣ-то за каретнымъ рядомъ (теперь я этого мѣста уже не узнаю).

Такимъ образомъ, получая студенческаго жалованья по 10 р. ассигн. въ мѣсяцъ, да съ двухъ кондицій, не помню сколько, при готовой квартирѣ и столѣ, я ни въ чемъ не нуждался. Изъ дому родительскаго тоже изрѣдка присылали пять-десять рублей. Батюш-

ка, по должности смотрителя богоугоднаго заведенія, получалъ жалованья 150 р. ассигн. въ годъ. Я просто могъ считать себя богатымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, какое свѣтлое воспоминаніе о нашей незабвенной alma mater, объ этомъ дорогомъ времени! Ни одной непріятной черты не помню я во все время жизни въ университетѣ; даже прислуга была усердная и хорошая. И теперь не могу я равнодушно пройти мимо славнаго нашего святилища и всегда пользуюсь случаемъ черезъ подземелье пройти въ тотъ садикъ, теперь уже большой садъ, который на глазахъ нашихъ только еще начинался. Въ 1828 или 1829 году Левъ Алексѣевичъ пріѣхалъ визитаторомъ въ Рязанскую гимназію, гдѣ я уже былъ учителемъ Исторіи и Географіи. Онъ меня обласкалъ и послѣ ревизіи посѣтилъ (на что всѣ смотрѣли съ удивленіемъ, такъ какъ я былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей). Предложенъ чай. Я передъ его пріѣздомъ только что женился и представилъ ему свою молодую жену. „Что, сударыня, не обижаетъ ли васъ вашъ молодой мужъ?“ спросилъ онъ жену съ своею добрѣйшею улыбкою. Не видно ли и тутъ, увы теперь неслышныхъ, отношеній отца къ сыну и обратно, которыми нѣкогда руководилось наше образованіе и воспитаніе? Дорогаго визитатора мы проводили далѣко за заставу. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Льва Алексѣевича уже въ грустной обстановкѣ (въ 1830 или 1831 году). Поѣхалъ я съ покойною женою моею на богомолье къ Троицъ-Сергію. Въ Москвѣ пробыли мы дня два. Я вздумалъ поклониться любимому профессору. Прихожу въ знакомый мнѣ домъ. Только изъ передней я отворилъ дверь, какъ увидѣлъ въ залѣ, въ углу на кровати, подъ одѣяломъ, лежащаго больнаго Льва Алексѣевича. „Вотъ, г. Ляликовъ, я нездоровъ и очень нездоровъ“. Я посидѣлъ, но слеза уже пробивалась въ глазахъ. Съ этой минуты я не имѣлъ случая болѣе видѣть этого добраго, благороднаго человѣка.

Иванъ Андреевичъ Геймъ. Святая память! Знаніе, доброта, простота, доступность. Я хорошо помню (жили близко, отдѣлялись только коридоромъ), какъ онъ, за недѣлю, много двѣ, до кончины, медленно переступая съ палкою, пришёлъ на лекцію, какъ положилъ палочку у подножія кафедры и, превозмогая себя, съ трудомъ, взволнованнымъ голосомъ, прочёлъ лекцію. Это была лебединая пѣснь. Полагаю, вы твердо помните это. — Я былъ въ восторгѣ получивъ отъ него только что изданную Всеобщую Географію. Къ этому присоединю смѣшное. Студентъ Непышневскій какъ-то выучился подражать кашлю его и, бывало, проходя по коридорамъ, волновалъ этою шуткою мирный бытъ студенческой. Всѣ бывало встревожатся: ректоръ, ректоръ, а иной догонитъ Непышневскаго и дастъ ему колотушку; значить не пугай по пустому. Говорили тогда (за вѣрность поручиться нельзя), будто Иванъ Андреевичъ узналъ объ этомъ и, позвавъ Непышневскаго, сказалъ: „ну, г. Непышневскій, какъ вы меня представляете?“ и такъ далѣе.

Романъ-Левинскій. Священникъ отъ Покрова въ Лѣвшинѣ, на кафедрѣ богословія, благообразный и кроткій, объяснялъ пріятно, но

былъ подверженъ запою. Уже по прїѣздѣ сюда изъ Одессы, я, бывши у Покрова въ Левшинѣ у обѣдни, замѣтилъ въ глубокой старости дьячка и спросилъ его о священникѣ Левицкомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что былъ дьячкомъ и при немъ, что Левицкій не могъ отстать отъ своей гибельной страсти и скончался еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Мерзляковъ. Лице знаменитое, симпатичное, доброе. Бывало не увидишь, какъ пролетитъ лекція. Но непостижимо, такой человѣкъ не могъ побѣдить въ себѣ страсти къ вину. Мы, живя въ одномъ домѣ, много знали объ этомъ. Хаживалъ къ намъ жившій у него нахлѣбникомъ студентъ Новгородскій и рассказывалъ о немъ: покойный Алексѣй Ѳедоровичъ нерѣдко бывалъ въ гостяхъ у Варгина, тогдашняго богача и подрядчика и тутъ-то начало болѣзни: дня три надо оправляться. Бывало, придешь въ аудиторію, дежурный кандидатъ говорить, что лекціи по болѣзни Алексѣя Ѳедоровича не будетъ. Мы знали, какая это болѣзнь; но такова сила таланта и Богомъ даннаго дара слова: послѣ этого всѣмъ извѣстнаго пробѣла, является на кафедрѣ Мерзляковъ; встрѣча самая симпатичная, какъ будто ничего не бывало, тишина невозмутимая, и запѣлъ соловей! Всё забыто, и всѣ говорятъ, что Мерзляковъ краса университета. Кто теперь прочтѣтъ такую вдохновенную лекцію и такимъ языкомъ, съ такимъ чувствомъ, о родномъ словѣ? Я помню, раза два или болѣе бывалъ у него на лекціяхъ Ив. Ив. Дмитріевъ и однажды съ какимъ-то прїѣзжимъ архіереемъ. Къ нему же на лекцію (или къ Черепанову) въ 1819 или 1820 году, вошли, въ сопровожденіи ректора Гейма, путешественники-квакеры (двое), въ сѣрыхъ шляпахъ и длинныхъ песочнаго цвѣта камзолахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Разумѣется, наше большинство не вѣдало, что квакеры ни предъ кѣмъ и нигдѣ шляпъ не снимаютъ, и потому всѣ смотрѣли съ изумленіемъ на людей въ шляпахъ въ комнатѣ и предъ такою высокою особой, какимъ мы считали нашего глубоко-ученаго ректора. Послѣ я гдѣ-то читалъ, что эти квакеры были проѣздомъ въ Москвѣ и пробирались въ отдаленные края Сибири. Въ заключеніе этой мелочной замѣтки нужно два слова сказать или прибавить. Разъ при входѣ Мерзлякова въ аудиторію раздались хлопущки. Мы съ изумленіемъ переглядываемся. Замѣтно, Алексѣй Ѳедоровичъ разгорячился, покраснѣлъ и крикнулъ: „Господа, кто это?... въ солдаты!“ Черезъ минуту все утихло, и лекція кончилась благополучно. Ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго этой кѣмъ-то сдѣланной глупости не случалось. Еще наивность. Для составленія моего аттестата я собиралъ объ успѣхахъ отзывы у профессоровъ. Прихожу и къ Мерзлякову. Вхожу въ залъ. Алексѣй Ѳедоровичъ въ синемъ китайчатомъ халатѣ сидитъ на подоконникѣ босикомъ, свѣсивъ ноги. Я объяснился и получилъ желаемое.

Брянцевъ. Кафедра философіи. И въ то время рѣдкость, а теперь едвали можно сыскать подобное лицо. Наивенъ какъ дитя. Вѣдь теперь никто не повѣритъ: онъ насъ называлъ часто не по фамиліямъ, а по именамъ: Павелъ, Филиппъ, Максимъ etc.

Маловъ, Михаилъ Яковлевичъ, былъ страдающимъ у Цвѣтаева адъюнктомъ. И внѣшняя фигура, и какія-то неподходящія ужимки— всё отталкивало отъ него, и онъ вовсе не пользовался хоть какимъ нибудь расположеніемъ своихъ слушателей. Не разъ случалось (и я былъ при томъ на лекціи), что его встрѣчали шиканьемъ, свистками. Другой бы не вынесъ, просто оставилъ службу; но онъ все держался. Уже не знаю долго ли онъ оставался въ университетѣ.

Смирновъ, адъюнктъ Сандунова, человѣкъ простой и даже слишкомъ. Бывало на лекціи раздается съ парнасса голосъ, маскированный въ вопросъ серьезный, „С. Ал.: что больше или старше, уѣздный судъ или гражданская палата?“—С. А. отвѣчаетъ: „помилуйте, какъ вы этого не знаете, ещё у васъ дядюшка сенаторъ!“ Общій смѣхъ, да и самъ Сандуновъ надъ нимъ подсмѣивался, конечно въ частной бесѣдѣ.

Въ 1820 году мы задумали въ средѣ своей основать общество литературное, т. е. читать заготовляемыя сочиненія и разбирать ихъ критически. Нашлось съ десятокъ охотниковъ, въ томъ числѣ и я. Для нашихъ засѣданій предложилъ просторную свою квартиру И. В. Титовъ близъ церкви Никола въ Голутвинѣ, за Москвой-рѣкой. Мы сходились раза три; потомъ слышимъ, что квартальный съ буточниками за нами наблюдаетъ, а дальше и хозяинъ дома объявляетъ Титову, что онъ держать его въ своемъ домѣ, если не прекратятся сборища, не можетъ. Нечего дѣлать, надо было бросить. Такимъ образомъ самое невинное, чистое дѣло погасло не отъ бѣса полуденнаго, а отъ неотѣсаннаго алгвазила.

Въ означенный выше періодъ времени всегда мы сами ходили въ почтамтъ за полученіемъ писемъ. Такимъ образомъ, получивъ однажды въ почтамтѣ письмо отъ матушки и прочитавъ его тамъ же, я былъ пораженъ великою горестью: матушка увѣдомляла меня о кончинѣ батюшки. Я считался только кандидатомъ на казенное содержаніе, но опредѣленъ еще не былъ. Заливаясь слезами, я пошелъ домой въ университетъ и, подходя къ Кузнецкому мосту, надумалъ зайти къ попечителю князю А. П. Оболенскому и попросить его объ ускореніи моимъ опредѣленіемъ. Надобно замѣтить, что я не только у него никогда не былъ, но даже и не имѣлъ случая видѣть. Прихожу въ домъ княжескій на Рождественкѣ (теперь, увы въ немъ табачная фабрика), докладываютъ. Я объясняю князю мое затруднительное положеніе по неимѣнію средствъ къ содержанію себя въ университетѣ. Князь обнадежилъ меня, что мое опредѣленіе будетъ ускорено, и дѣйствительно черезъ три-четыре недѣли я поступилъ на полное казенное содержаніе.

Большое удовольствіе доставляли намъ засѣданія, бывшія близко отъ насъ въ залѣ Благороднаго Пансіона. Библейскія бывали рѣдко, но по словесности довольно часто. Тутъ имѣли мы случай слушать Мерзлякова, Давыдова, и часто читалъ басни и мелкія стихотворенія В. Л. Пушкинъ, уже въ лѣтахъ, но съ жаромъ и пылкостью юноши; кажется также и Шатовъ.

Разъ, объ масляницѣ, въ той же большой залѣ воспитанники пансіона и частію университетскіе съиграли нѣсколько піесъ и весьма удачно. Публики было множество. Затѣвали-было и у насъ (Сандуновъ былъ любитель театра, и съ его стороны помѣхи бы не было), но не сладилось, и мѣстомъ дѣйствія избрали Воспитательный Домъ, въ которомъ и разыграно было нѣсколько комедій и водевилей, въ разное время. Участіе въ этомъ принимали и питомцы Воспитательнаго Дома и наши, наприм. Кантемировъ, Кошкаровъ-Логиневскій. Они тоже изъ воспитанниковъ Восп. Дома, но поступили въ университетъ и послѣ окончанія въ немъ курса долго служили въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Въ означенный выше періодъ времени (1818 — 1822), съ честію мы отдали послѣдній долгъ: 1) Ив. Ан-чу Гейму, котораго гробъ несли студенты до самой Лютеранской церкви; помню, пасторомъ было сказано очень хорошее надгробное слово; 2) М. М. Снегиреву (передано тѣло землѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ; 3) Р. Ѳ. Тимковскому и 4) А. М. Брянцеву. Какъ-то, уже по возвращеніи изъ Одессы, вздумалъ я осмотрѣть Армянское кладбище и потомъ прошѣлъ на Ваганьковское. Тутъ, разсматривая памятники, случайно попалъ на могилу А. В. Болдырева, къ которому мы, слушавшіе его, были привязаны за его ласку и пріятливое обращеніе. Такъ какъ Арабскій лексиконъ былъ у него единственный экземпляръ (а можетъ быть тогда, за исключеніемъ большихъ публичныхъ библиотекъ, и единственный во всей Москвѣ), то нерѣдко я ходилъ къ нему на квартиру списывать слова. Онъ жилъ гдѣ-то, помнится за Смоленскимъ бульваромъ. Всѣ знавшіе его искренно были огорчены печальнымъ для него окончаніемъ дѣла по извѣстному и громкому въ свое время напечатанію Чадаевской статьи въ журналѣ Н. И. Надеждина.

Въ этотъ же періодъ времени печальный случай встревожилъ университетъ. Жившій въ кандидатскихъ комнатахъ главнаго корпуса магистръ математическихъ наукъ Бугровъ застрѣлился. Мы знали, что его отправляли съ ученою цѣлью за границу, и все было приготовлено къ его отпуску. Раскрыта ли была причина этого случая, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Бугрова всѣ хвалили и говорили, что онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія.

Семья казенныхъ студентовъ и бывшихъ на благотворительныхъ коштахъ была небольшая, всего около 40 человекъ, принадлежавшихъ къ тремъ факультетамъ: юридическому, словесному и математическому. Студенты медицинскаго съ нами не имѣли ничего общаго и помѣщались, подъ ближайшимъ наблюденіемъ В. М. Котельницкаго, въ особомъ корпусѣ, ближайшемъ къ Никитскому монастырю.

Мы помѣщены были очень просторно, четверо въ комнатѣ, и снабжены желѣзными кроватями и кажется одѣялами — и только. Всѣ остальное, чтó относится къ постели, также одѣжа, бѣлье, обувь — запасали сами. Также купили сами маленькіе столики и комодцы. Бѣлье мыли жены сторожей и за такую плату, которая въ настоящую минуту покажется баснословно дешевою (за сорочку

2 коп., платокъ, платенце 1 к., всё ассигнац.). Чищеніе сапогъ шло отъ сторожей (каждый коридоръ имѣлъ 3-хъ, 5-хъ служителей). За это платилось имъ по нѣскольку копѣекъ въ мѣсяцъ. Жалованья мы получали по 10 руб. ассигн. въ мѣсяцъ и пять или шесть свѣчей въ недѣлю, что было весьма достаточно; ихъ разносилъ тотъ же посланникъ Юпитера (Сандунова) Карпъ Оедулычъ и клалъ каждому на его столикъ. По извѣстному въ то время, грозному изрѣченію Сандунова: „самоваръ инструментъ трактирный и въ школь не годится“, на этотъ инструментъ наложено было veto, и потому нѣкоторые имѣли мѣдные чайнички и такимъ образомъ утѣшались чаепитіемъ. Другіе убѣгали для этого дѣла въ трактиры Цареградскій (въ Охотномъ ряду) и Знаменскій (недалеко отъ нынѣшней Казенной Палаты). Въ этихъ свѣтлыхъ заведеніяхъ (теперь ужъ и слѣдовъ ихъ нѣтъ) нѣкоторые изъ студентовъ были постоянными завсегдатаями. Бывало такъ: половой подалъ чай, чрезъ нѣсколько секундъ ложечка стучитъ, половой вбѣгаетъ. Ему говорятъ: „подай еще горячей воды“; онъ схватываетъ чайникъ, въ которомъ еще много воды (и не вода нужна) и приноситъ тотъ же чайникъ будто съ водою, но въ немъ aqua vitae. Видно, тогда кондиціи трактирныхъ заведеній не дозволяли торговать драгоценной влагой, и хозяева боялись соглядатаевъ, которые безъ сомнѣнія вездѣ были.

Въ праздничные дни нѣкоторые ходили въ дальніе монастыри къ обѣднѣ: Донской, Симоновъ, Новодѣвичій, и по церквамъ: къ Клименту, Всѣхъ Скорбящихъ, Мартыну Исповѣднику, Никитѣ Мученику въ Басманной и друг.; особенно, когда узнавали, что будутъ пѣть хорошіе пѣвчіе. Не пропускали и такъ называемыхъ монастырскихъ гуляній по ихъ храмовымъ праздникамъ. Разъ, помню, втроемъ наняли мы лодку у Москворѣцкаго моста (6 Авг.) и поплыли къ Новоспасскому монастырю. Плавали также къ Воробьевымъ горамъ, лакомились молокомъ и малиной въ Марьиной рощѣ и въ Останкинѣ, гдѣ осматривали богатый дворецъ знатнаго боярина. Я помню, кромѣ картинъ, великолѣпную мраморную статую Екатерины II-ой. Цѣла ли она и гдѣ теперь? Такъ разнообразили мы тихую студенческую жизнь. Но надо сказать слова два и о пѣніи, которое доставляло немалое удовольствіе. Были любители и съ хорошими голосами: Знаменскій, Ивановъ, Персіаниновъ и проч. и проч. Хоръ составлялся большой. Приходили и медики, и всегда Гульковскій. Бывало, въ лѣтніе жары, всѣ окна открыты, и гулъ несется далѣко. Ктонибудь скажетъ: „господа, надо закрыть окна, очень громко; услышитъ ректоръ“. Кромѣ торжественной *Gaudeamus igitur* распѣвалась любимая въ то время пѣсня:

„Сей конь, кого и вихрь въ поляхъ не обгонялъ,
„Онъ спитъ, на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ“.

Съ припѣвомъ: „Ахъ, Зара, какъ серна, стыдлива была,
„Какъ юная пальма долины цвѣла“, etc.

Или Мерзлякова: „Среди долины ровныя“...

Москва. 14 Октября 1875.